

- [Скрягин Александр](#)

-

Скрягин Александр

Тот, кто оказался прав

АЛЕКСАНДР СКРЯГИН

Тот, кто оказался прав

Гримо был не прав! Нет! Прав был я! Все получилось именно так, как я говорил! Ведь теперь даже трудно себе представить, что когда-то мы обходились без гленов!

Я смотрю на своего глена. Но что это? Он будто ухмыляется мне в лицо? Но ведь он не может этого делать! Не может! Ведь это только для контролеров и надсмотрщиков глены такие же живые люди, как и мы. Но я-то знаю, что глен - всего лишь кукла! Большая тряпичная кукла в натуральный человеческий размер с лицом, выкрашенным белилами, и туловищем, набитым старыми тряпками и картоном, которая привязана тонкими незаметными веревочками к ногам и поясу и потому беспрестанно дергающаяся от наших движений. Со стороны представляется, будто глен, стоя за верстаком, действительно что-то делает. Но это, конечно, не так.

И все же, мне кажется... Мне кажется, что... Нет, мне это просто кажется! .

Я вглядываюсь в черноту, окружающую непроницаемой стеной маленькое освещенное пространство вокруг наших верстаков, стоящих в два ряда друг против друга. Я чувствую, что это действительно стена, мягкая, бархатистая и отвратительно живая на ощупь, состоящая из бесчисленного множества омерзительных прозрачных непрерывно шевелящихся ресничек, в которых человек мягко утонет, как в гигантском слое мха. А там, за ресничками, внутренности этой черноты: желудок и покрытые слизью судорожно сокращающиеся сосуды, и там с человеком происходит что-то такое дикое и страшное, что нет сил и в то же время хочется представить.

...И все же прав оказался я! Не Гримо, нет! Я!

После того как контролеры объявили новый закон о том, что каждый работник не может делать в день больше одной тысячи коробков, мы собрались на совет. Контролеры объявили, больше тысячи коробков нельзя делать потому, что это вызывает перенапряжение наших сил и может плохо сказаться на нашем здоровье. Так они говорили. Но настоящая причина была в другом. И мы это поняли.

За каждую тысячу коробков мы получали дневную норму: две луковицы, ломоть хлеба и кусочек, соленого сала величиной со спичечный коробок. А через десять дней, за десять тысяч коробков,- мы получали право подняться наверх и целый день провести там, где светит солнце и плещется о берег шипящее и прозрачное море. Мы могли лежать на шершавом, теплом и сухом песке, подставляя свои лица горячим желто-фиолетовым лучам, после которых наша влажная, белая и бархатистая от нездорового климата Пещеры кожа становилась сухой, упругой и начинала приобретать коричневатый оттенок, правда, едва заметный, ведь мы могли подставлять свое тело солнцу только раз в десять дней.

Зато этот день был похож на сказку!

На пляже вдоль моря стояли гимнастические снаряды и стойки, мы могли упражняться на них, и наши мускулы словно наливались радостью. Ожидание этой сказки давало нам силы! А опыт, накапливающийся за годы однообразного труда, позволял работать все быстрее. И вот настал день, когда Умелец сделал за десять дней не десять, а двадцать тысяч коробков! И смог провести там, наверху, не один, а целых два дня!

А вслед за ним это сделали и другие. Затем мы достигли и невероятного прежде рубежа в тридцать и сорок тысяч коробков, а Умелец однажды сделал сто! Сто тысяч! И за это целых десять дней был наверху! Купался в море, гулял по белым песчаным холмам, валялся на пляже. И хотя от отдохавших аристократов, контролеров и надсмотрщиков его отделяла высокая - в три чело. веческих роста - сеть из стальной проволоки, он был почти как они!

Вот после этого аристократы, чтобы закрыть нам путь наверх, и придумали закон, который не разрешал склеивать больше одной тысячи спичечных коробков в день, и, значит, теперь мы могли получать в день только один свой рацион и только один раз в десять дней - не чаще - подниматься к солнцу.

Тогда мы все стали думать, что же нам теперь делать?..

Гримо сказал, что нам надо перебить надсмотрщиков и контролеров или заставить их самих работать внизу, а самим подняться наверх!

Но это был глупый план! Глупый, потому что неосуществимый! Гримо думал, что он один такой умный! А что стало с Бемом Языкастым, который ударил надсмотрщика? Он исчез! И не вернулся до сих пор! И, наверное, не вернется никогда! А куда делся Гам Лукавый? Не он ли кричал в ту ночь так, будто с ним делали что-то ужасное? И то же самое будет с нами! Так думал не я один, так говорили между собой многие! И это я сказал вслух! В первый раз мы разошлись, так ничего и не решив.

Но все-таки надо было что-то делать! И я придумал!

Я работал всю ночь, пока все спали. Когда мы собрались снова и Гримо сказал: "Может быть, мы и погибнем, но другого выхода у нас нет!", я ответил ему: "Есть!" И показал глена.

В глазах надсмотрщиков и контролеров глен ничем не отличается от нас. Смотрите, он такой же, как мы,- белый и румяный.

На нем такая же синяя мешковатая куртка, как и у нас. Конечно, глен не может работать. Но ведь за него можем работать мы!

Глен не может работать, зато глену не нужно и отдыхать. Ему не нужно ни солнце, ни сало, ни сухой песок! Ему не нужно ничего!

Ведь это кукла!

Сначала никто ничего не понял. Но я объяснил.

Каждый из нас не может склеивать больше тысячи коробков в день и больше десяти тысяч - за десять дней. Так говорит закон.

Но, если я все-таки склею за день две тысячи, а контролерам скажу, что половину из них сделал глен, то закон не будет нарушен.

Каждый из нас - я и глен - получит свою норму питания и выходной день наверху. Но на самом деле и сало и отдых - все достанется мне одному. Ведь глену ничего этого не нужно! А надсмотрщики и контролеры все равно не заметят, кто из нас поднялся наверх - живой человек или глен, ведь они нас даже не замечают, для них мы все - на одно лицо!

Мы будем работать за наших гленов, но мы будем за них и получать. Каждый из нас может иметь столько гленов, сколько норм он в силах выполнить!

Гримо все-таки продолжал стоять на своем. Но его почти никто не поддержал.

И все получилось так, как сказал я.

Рядом с нами стали за верстаками внешне ничем не отличимые от нас фигуры гленов, со стороны - для надсмотрщиков и контролеров будто работающие, а на самом деле - просто дергающиеся в такт с движениями наших тел. Через некоторое время мы все так привыкли к нашим гленам, что они стали для нас чемто вроде друзей. Я даже стал разговаривать с моим гленом, будто он живой, а не тряпичная кукла...

И все же, мне кажется... да, мне кажется... Я вижу, что они усмеваются и подмигивают мне своими глазами из зеленых бутылочных осколков!..

Но ведь этого же не может быть! Наверное, я просто устал. Дело в том, что затея с гленами все-таки имеет маленький недостаток: нельзя снижать двойную норму выработки, ведь это будет означать, что кто-то из нас - я или глен - не выполнил норму, а это сразу привлечет внимание контролеров

и все может раскрыться! Я не Умелец, у меня только один глен, и все же работать даже за него одного мне трудно. Раньше я мог делать две нормы время от времени, теперь, после моего изобретения,- я должен делать это всегда. И трудно приходится не мне одному.

Но ничего! Ничего! Я сделаю твою норму, глен, будь спокоен!

Я не подведу тебя!

Но что это? - кто-то толкает меня под руку. Кто это? Глен???

Наверное, он просто сдвинулся со своего места и навалился на меня своим туловищем... Да!

Так, ну вот и контролеры катят между верстаками свой огромный, окрашенный в красное, металлический ящик на скрипучих, деревянных - чтобы не ржавели - колесах. Какой неприятный влажный скрип!..

Да, вот это тысяча коробков - моя, а это - моего напарника...

Не больше - тысяча, как положено. Мы закон знаем. Почему он молчит? Просто он такой неразговорчивый. Все в порядке!

Ящик медленно катится дальше, к другим верстакам.

Теперь у меня не две луковицы в день, как раньше, а четыре, не один кусочек сала, а два! И это совсем не плохо!

Все-таки я был прав, дорогой мой Гримо! И зря ты до сих пор не сделал себе глена. Зря! Два кусочка сала - это прекрасная вещь! И два дня отдыха наверху - тоже! Ты же не будешь с этим спорить, дорогой Гримо!

Но что это? Что это? Будто... Померещилось! Мне просто померещилось! Я устал. Все время делать двойную норму тяжело.

Очень тяжело. Но отступать нельзя. Это может разоблачить глена. И тогда все пропало!

Так, сейчас я пойду в свою пещеру. А ты, глен, оставайся. Ведь тебе все равно где ночевать...

Но что это? Что это? Рука глена медленно поднимается к лежащей на верстаке кучке луковиц, сала и хлеба, полученных от контролера. Его плоская твердая деревянная ладонь разрезает ее напополам и уверенно отодвигает одну часть к себе. Что это?

Я сплю?.. Я пытаюсь остановить его руку, хватаю глена за локоть, и вдруг ощущаю вместо мягкого тряпичного тела под одеждой что-то твердое, словно кости... Что это? Я схожу с ума! Я смотрю на своего глена... Он усмехается мне в лицо, отвратительно оскалив свои лошадиные деревянные зубы! Я оглядываюсь вокруг.

Прямо на меня по проходу между верстаками, дергаясь своими нелепыми телами, медленно идут глены...